

Tul_06_03

09.07.06

Инф.: Швейбыш Рита Генеховна, 1936 г.р. (РШ) и Исаак
Пейсахович, 1931 г.р. (ИШ)

Соб.: Н.Евсеенко (НЕ), А.Кушкова (АК), А.Соколова (АС),
М.Хаккарайнен (МХ)

АК: Вы расчистили кладбище, да?

РШ: Да.

АК: Что, сами, что ли, расчистили?

РШ: Нет, ну... нанимала людей – я могу чистить?

АК: Старое, Вы имеете в виду?

РШ: Старое.

АС: Старое кладбище?

РШ: Да. Те века.

АС: Ничего себе.

РШ: Три века.

АК: Три?!? Это до какого, значит...?

РШ: Это 20й, 19й и 18й.

АК: И 18й даже, да?

РШ: Да.

(...)

АК: А чего-нибудь интересное там нашли?

РШ: Я не умею читать ни на иврите... ни на идиш. Говорить я умею, разговаривать, а читать не умею. Но мне помог Габай, который находится в Умани. Он меня финансировал. Куда бы я... Вот. Так он там при... проходил, и он мне сказал, цадиков он искал, раввинов, и там что-то будет ремонтировать, какие-то домики там есть, понимаете, вот такое. А... там такое – там были заросли, там невозможно было ничего увидеть и узнать – теперь там всё хорошо. Даже скошена трава, но трава быстро растет, всё... Так. Теперь – что вас сейчас интересует – снова по домам?

АС: Ну вот... нас интересует вот... с Вами поговорить очень хочет Наташа...

РШ: С удовольствием!

АС: И, может быть, вот еще... еще кто-то из нас, я не знаю.

РШ: Пожалуйста...!

АС: ...Марина...

РШ: Пожалуйста!

АС: Вот... и мы хотим еще...

РШ: Людей!

АС: Да, с теми, с кем и разговаривали...

РШ: ...и с кем не разговаривали!

АС: Ну... да, да.

РШ: Хорошо! Это можно. Хорошо.

(о новом мере, который только-только приступил к своим обязанностям)

РШ: Завтра я собираюсь ехать в Печоры – если всё будет хорошо, мне там должны делать ремонт ограды, памятника, и такое всё, и потом скосить, и всё там привести в порядок. Но вроде бы мне обещают на завтра – но я ж тоже зависима и от людей, и от транспорта, эти вот. Так что если вас что-то интересует, то сегодня, пожалуйста, вот, потому что завтра утром я иду в налоговую, а потом я буду искать как-то всё-таки добраться в Печору. Вот. Ну, и я завтра же вернусь (...)

(решаем, кто остается с РШ, кто уходит)

РШ: Пожалуйста. Кто хочет, кому что-то нужно – пожалуйста. Теперь я вас дам... адреса... Что вас именно интересует? Пожилые люди?

АС: Ну, более или менее – да.

РШ: Да. Пожалуйста. Значит, записывайте адреса.
(сверяем по нашему списку, кто где живет и пр.)

РШ: ...А сейчас вы ж понимаете, какие цены и все такое – это мне...! Он мне прислал 500 гривен, ну это, конечно, очень мало, но буду... надеяться, что я его еще раскачаю.

АС: Ну вот, мы будем уезжать 12-го, он, правда, не пообещал, что приедет еще... Может быть... он сказал, может быть, что приедет...

РШ: Он знает, мы с ним говорили – у него просто их нет. У него просто их нет. Так я... 500 он мне дал, 500 мне дал Гробман, ой, он сейчас очень больной, председатель винницкой общины, городской. И немножко мне помог Хэсед, но это надо *очень* много, потому что там... 62 тысячи людей! Там очень большой объем – там фактически 3 кладбища. Вот. И это такие кладбища – целые, как это говорится, большие вот эти... захоронения. И, в общем, там очень много... Но я думаю, что если я завтра... если я смогу, завезу туда людей, чтоб поработали. Чтоб дела... я что, могу делать?

АК: А вот здесь расчищали силами своими, да?

РШ: Нет. У меня общи... тоже нанимали... у меня такая уже община, во-первых, пожилых, во-вторых, уже очень мало людей, много умерли, выехали, и здесь уже осталось очень мало людей. И те, что остались, так такие, что... не пошлешь уже. Вот – а если осталась молодежь, так она не очень спешит. Вот – поэтому я наняла людей, и люди сделали, очень хорошо сделали, но... очень много там работы было. Очень много. Что вы... там оно такое было запущенное, деревья мы спилили, кустарники срезали, расчистили все, все сделали, но это ненадолго, потому что трава же растет. Такое дело.

(начинаем уточнять список информантов – к кому можно сходить)
(видимо, о Яковлевой Доре Григорьевне)

РШ: ...А потом они уже объявились у нас документально, она даже называется по-еврейски... Двойра!

НЕ: А в каком смысле она... объявилась?

РШ: Она была Дуся, Дуся, Дуся. Все знали ее за Дусю, за... русскую... за украинку. А потом она мне принесла документы, что она еврейка, и всё. Мы ее взяли, мы ей помогаем.

АК: «Недавняя еврейка», да?

РШ: Да!

АК: Говорите так, да?

РШ: Я так говорю... что это такие евреи... на волне появившиеся (смеется).

АК: И много таких вот в общине?

РШ: Много!

АК: Да?

РШ: Много. Есть такой Луговской, так он никогда в жизни не признавался к евреям, так – «жиды, жиды», а мама его перекрестила когда-то, но мама умерла, и была истинная еврейка. Она умерла, а мы ему помогаем, потому что он больной.

АК: Это вот Борис Васильевич?

РШ: Да. Папа был украинец.

АК: А вот Вы говорите, значит, она была как... Дуся, а потом Двойра да, стала...?

РШ: Ну, она была...

АК: ...или наоборот – сначала Двойра, а потом...

РШ: Она была Двойра всегда! Но для людей и для всех она была Дуся. Дуся – и всё. Потом она принесла документы, и по документам ксерокопии, и – всё. И она еврей... она еврейка!

АК: Ну, да. А вот такие вот... а вот если, допустим, человека зовут, ну, как-нибудь, я не знаю, там, Сура, да, настоящее имя...

РШ: Есть такая.

АК: А вот как, например...?

РШ: Софа!

АК: Софа, да, выбирают?

РШ: Да.

АК: А если Хайка, например?

РШ: Клара!

АК: Клара?

РШ: Да.

АК: Это интересно... а там, я не знаю...

РШ: Да! Вейсман, Клара – у нас есть. Это Хайка. Хая-Ита. Хая.

АК: А если, например, Фейга?

РШ: Фаина.

АК: Это уже русское... как бы такое русское...

РШ: Фая. Да, да.

АК: А Фира?

РШ: Ну, Фира, так она и есть Фира. Да. Но она у... по-еврейски у нас – Эсфир. Вот, а так мы называем ее просто Фира – у нас есть такая – Бакман. (...)

АК: Ну а если, например, человека зовут Туба?
РШ: Ну, Туба – это Таня.
АК: Таня, да?
РШ: Да.
АК: Ага. То есть, вот это как бы так известно, да...?
РШ: Да, да.
АК: ...какое приблизительно соответствие?
РШ: Да. Да. Например, Рита – а я Рейзя. Но я названа именем бабушки Рейзи, но я везде записана и везде – Рита.
АК: Рита, ага. А вот с мужчинами, например, если его зовут...
РШ: Вот его [имеет в виду мужа] звать Изя, а он по-еврейски Ицик. Ну, да, мы тут все...
ИШ: А по паспорту Исаак!
РШ: Исаак по паспорту, да. Это так... вот.
АК: А если человека зовут Соломон, например?
РШ: Так он и есть Соломон.
АК: Ну, а вот если он хочет подобрать такое имя, ну, вот, как бы для вне...
РШ: Ну, они называют себя разное – там, Самуил, но таких нету в Тульчине, то мы не общаемся с такими, вот.
(снова о том, к кому можно сходить – по списку)
АК: А вот какой-то Бойко Михаил Николаевич...
РШ: Как?
ИШ: Бойко!
РШ: Бойко! Это есть такой, у него мама была еврейка, отец был украинец, вот и...
ИШ: Это Раи Черновой...
РШ: Это Раи Черновой теперешний муж.
АК: А! Вот оно что. А он тоже из «недавних» евреев, да?
РШ: Ну, как вам сказать – конечно, когда... мама была настоящей еврейкой, Циля, отец был всегда Николай... был украинец, но он был на оккупированной территории, он получает компенсацию, но он еврей. Раз мама еврейка, значит, и он еврей.
АК: А если у кого-то, скажем, мамина бабушка только была еврейка?
РШ: Тоже еврей.
АК: А, то есть, сколько бы ни было там...
РШ: Ну, по... вы же знаете, по израильскому закону...
АК: Ну а у вас также считается?
РШ: Да, конечно.
АК: То есть, если мужчины разбавляли-разбавляли, все равно, если по женской линии когда-то... да?
РШ: Да. Да.
АК: Понятно...
(...)

(о Лозинской Вере Николаевне)

АК: «Новая еврейка, которая может при нас перекреститься», да?

РШ: Да – но дело в том, что она слепая, и она... но она с вами может поговорить, но она ничего вам особого не расскажет, она все годы была украинкой, и муж у нее украинец, и дети у нее украинцы, но когда стали давать посылки, она стала еврейкой. Стала старая, никому не нужная – кроме нас. Мы ей патронаж делаем, всё делаем.

(...)

(Шуру Помагину можно застать у Леховицеров)

12.51

Tul_06_03

09.07.06

Инф.: Швейбыш Рита Генеховна, 1936 г.р. (РШ) и Исаак Пейсахович, 1931 г.р. (ИШ)

Соб.: Н.Евсеенко (НЕ), А.Кушкова (АК), А.Соколова (АС), М.Хаккарайнен (МХ)

12.51

АК: Я читала, вот, в прошлом году, вот интервью с Вами, и вот мне особенно запомнилось, Вы очень интересно рассказываете про то, что такое ихес.

РШ: Ихес?

АК: Да.

РШ: Я вам расскажу, что такое ихес. Когда-то у евреев на ихес обращали очень большое внимание. Ихес – это была семья – или цадика, или раввина, или интеллигента, или врача, или педагога – митн ихес.

АК: Митн ихес?

РШ: Митн ихес. Вот это человек был.. чем-то очень это. Не смотрелось когда-то настолько богатство, что-то такое, а смотрелось... с какой семьи происходит этот человек. Вот это называлось ихес. Вот. Зи ис фин а мулэвдекер семья, фин ихес, ну, это было что-то святое, это было что-то порядочное, вот это называлось ихес. Вот. А богатство, оно конечно, всег... все... все годы у евреев ценилось, но не настолько. А вот в последнее время, к сожалению, на ихес уже никто не обращает внимания.

АК: То есть, можно было быть из хорошей... вот такой семьи, митн ихес...

РШ: Благородной!

АК: ...но бедной, да, – это не важ... не столь важно было?

РШ: Да, это не столь... не настолько было важно, как было важно интеллигентность, религиозность в первую очередь, вот... порядочность – всё это воплощалось в ихес.

АК: То есть, вот, если семья раввина или из семьи цадика...

РШ: И цадика!

АК: ...а гройсер ихес, да?
РШ: А гройсер ихес! Ё. А иногда было с насмешкой сказано...
АК: С насмешкой, да?
РШ: ...про ихес.
АК: Ну, например?
РШ: А гройсер ихес!
ИШ: Ихес-тухес!
РШ: (смеется) Ша!
АК: Как-как?!?
ИШ: А ихес фунэм тухес!
(все смеются)
АК: Фунэм тухес? Это про кого так говорили?
ИШ: Это говорили...
РШ: Это говорили про что-то непорядочное...
ИШ: Вот он строил из себя ихес...
РШ: ...а в самом деле он был никто и ничто! Но их... [в шутку грозит мужу, что он произнес такое выражение]
АК: Спасибо, спасибо, это здорово!
РШ: Он у нас очень... он с маленького местечка, и он вам более ценный по-моему даже, чем я – потому что я с Тульчина, и я как-то так. А у них это всё соблюдалось.
АК: Ага.
РШ: В селе – это было село, а в селе было местечко, в центре. И это всё (усмехается) было очень важно, и это (снова усмехается) соблюдалось.
АК: То есть в маленьких местечках это соблюдалось больше, чем в больших?
РШ: Бесспорно!
АК: А почему так?
РШ: Я вам скажу, почему. Во-первых, там были евреи, которые все друг друга знали. Там были евреи более сплоченные. Там были евреи более родственные – понимаете? И это всё очень сказывалось. Вот. И действительно, ихес имело значение. Аптекарь, врач, педагог, зубной врач, вот так... но вместе с тем он мог быть непорядочный, вот тогда подходило то, как сказать мой муж (смеется)
АК: А вот если человек был ремесленник, например?
РШ: Ну, сапожник – так это сапожник. Портной – это портной, и так далее. Но... они тоже бывали из порядочной же семьи, понимаете? Он мог быть портным в силу того, что у него так сложилась жизнь, что он не мог получить образование... По-еврейски разговариваете?
АК: А бисэле.
РШ: А бисэле.
АК: Их фарштее.
РШ: Фарштейт. Ир зинт а идишке? Нейн.
АК: Мммм... гемишт.

РШ: А бисэеле. А обе (?) Понятно. Ин ир?

НЕ: А бисэле.

РШ: Я поняла – теперь многие так. К сожалению, сейчас так.

АК: А вот про сапожника можно было сказать, что он митн ихес?

РШ: Обычно нет.

АК: Обычно нет, да?

РШ: Зис гевен а шистер, а гробер ид.

АК: А гробер ид.

РШ: А гробер ид это такой... знаете... ну, без ихеса.

АК: А «нидригер менч» можно было сказать?

РШ: А нидригер менч – но он был не нидриг из-за того, что он был низкий, а он был нидриг из-за того, что у него... лексикон был другой, образ жизни, он выпивать мог, понимаешь?

АК: А шикер?

РШ: А шикер – совершенно верно. Поэтому могло быть и такое.

АК: А, то есть если он просто честный хороший сапожник, да, то всё равно, вот... не пьет, там, ничего, но он всё равно вот... так ихес как-то не вяж...

РШ: Не особенно. Не особенно. Когда... допустим, возьмите Шолом-Алейхем. Это – ихес. Возьмите... Илья Эренбург – это ихес. Это настоящий ихес, понимаете? Возьмите, там, другого. А есть человек, у которого положение высокое, но он не происходит от такой семьи, и сам он не такой уж.. порядочный. Есть богатые люди, но они.. не.. не ихес.

АК: А вот как Вам кажется, что более важно – семья или личные заслуги человека?

РШ: Я лично считаю – личные заслуги. Потому что семья может быть очень порядочной, и может быть двое детей разных. Или... или внуки могут быть разные. Воспитание старалась мать дать и тому, и тому, но у нее не всегда получается так как хочется...

АК: Понятно... То есть человек мог... А мог человек как-то, вот, увеличить свой ихес? Сам?

РШ: Может быть, в следующем поколении.

АК: В следующем, да?

РШ: Да. Когда у него уже своя семья, уже своя жена, свои дети, и... вот, возьмите, артисты есть. Возьмите Быстрицкую. Возьмите любого др.. Клару Лучко. Это ихес. Это настоящий ихес. А возьмите человека, который занимает пост, но он может быть не ихес.

АК: Но его ребенок может уже быть...?

РШ: А его ребенок, если ведет праведный образ жизни и соблюдает цдоку, и соблюдает все еврейские... Тору, и всё прочее – да, он может быть ихес.

АК: А может быть ихес без, вот, религии как бы? Просто, вот, заслуги какие-то совершенно другие? Нерелигиозные?

РШ: Еврей верит Всевышнему, и верит в 613 заповедей, верит в Тору, верит в единого бога, поэтому... мы – неотделимы. Мы – народ е...божий. Понимаете – мы неотделимы. Так что... возьмите Моше. Возьмите Аарона. Возьмите Мирьям. Ну это всё наши бывшие, наши прошлые... это всё наше золотое, как говорится... Авраам, Исаак, Яков – мы не можем существовать вне этого.

АК: То есть, человек, который в религию... к религии не относится никак, вот, не ходит в синагогу...

РШ: Нормальный еврей относится нормально к религии. Может быть, он не всё соблюдает в силу своей жизненной возможности – возьмите Тульчин. Резника нет. Раввина нет. Ну, и многое-многое того, что должно быть – даже... кашрут.

АК: Да.

РШ: Понимаете? Поневоле. Этот... мы выросли в советское время, в другую эпоху, и мы были оторваны от всего этого. Конечно, в Днепропетровске, в Одессе, в Киеве это всё возможно, это всё есть, это всё соблюдается. А мы что можем соблюдать? Купить мацу, вот. Что мы еще можем соблюдать? Даже кошерного вина у нас нет, понимаете? Так что... а мясе и разговора нет, чтоб оно было кошерное. Всё... поэтому так.

АК: А вот, вот, например, вот мы говорим «уважаемый человек», там, почитаемый... почётный...

РШ: Это не ра... это разные вещи.

АК: Это не то же самое, что ихес?

РШ: Это не одно и то же.

АК: Не одно и то же, да?

РШ: Нет, нет. Он может быть эрудитом, он может быть интеллигентом, но во всяком случае он может происходить от а нидриге семья. И он не будет ихес.

АК: Не будет, да?

РШ: А может быть! Если он происходит вот... от какой-то порядочной семьи.

АК: А если, вот, там, советская семья, которая ничего не знала, и кашрута, там, не соблюдала, и Тору, там... не видела...

РШ: Да какое там – там может быть ихес только по происхождению.

АК: А если при этом их сын, там, или внук он начал учить, вот он соблюдает, и ходит в синагогу...

РШ: И его следующее поколение будет ихес!

АК: То есть, в любом случае нужно семейное вот это...

РШ: Да.

АК: Очень интересно.

РШ: Вот, например, есть семья, которая соблюдает цдоку, соблюдает все правила еврейства, вот... и... порядочные люди, не

ругаются, ни.. ни.. ни ведут образ жизни... нормальный, не алкаши – вот это ихес!

(22.12)

АК: Вот это ихес, ага. То есть у нееврея ихеса в принципе быть не может? Это вообще...

РШ: Нет, это только евреи.

АК: Только евреи.

РШ: Да.

АК: Ага. А у русских есть что-нибудь такое, вот, сходное – или у украинцев? Как у евреев ихес?

РШ: Ну, я даже не знаю, как у них в этом отношении. У них интеллигентность не этим определяется. У них... образованием определяется, у них.. совсем другие нравы. Но тоже они смотрят, кто был папа, кто была мама...

АК: То же самое, да?

РШ: ...и так далее – это тоже очень важно.

АК: Вот репутация...

РШ: Конечно!

АК: Вот есть такое?

РШ: Конечно, имеет значение.

АК: А вот когда у евреев этот ихес был важен – вот в каких ситуациях?

РШ: Довоенное время очень много смотрели на ихес. Да. После войны оно потеряло свою ценность. Потеряло ценность по той причине, понимаете, что... евреи перестали... во многом быть евреями. Некоторые. И оно всё обесценилось. Во время войны, во время катастрофы, во время этого шоу, очень много людей, 6 миллионов, погибло. Осталось совсем мало людей – третья часть людей погибла. Вот, понимаете? Вообще было на грани уничтожения. И никто не думал об ихес, а думали о том, как бы выжить и детей выучить и к чему-то привести, понимаете? И люди не имели ни... ни... ни... жить где, и всё разбомбили, всё уничтожили – понимаете, так что... Потом оно уже не настолько обращалось внимания.

АК: А вот Вы бы сказали, что до войны ихес был одним из таких очень важных...

РШ: Да!

АК: ...самых важных, может быть, понятий для евреев?

РШ: Одно из самых важных понятий! Да. В довоенное время.

АК: Ну вот, скажем, если Вы там, ребенок, вот Вы во дворе играете, Вы познакомились, там, тоже с ребенком.

РШ: Да.

АК: Да, тоже с еврейским ребенком...

РШ: Да.

АК: ...и Вы пришли знакомится к родителям.

РШ: Да.

АК: Вот в этой ситуации, например, важно будет, вот, там, девочка, с которой Вы познакомились..

РШ: Не, дети между собой дружили все! Потому что это дети! А вот когда уже подходило к хупе...

АК: Так.

РШ: ...вот тогда уже имело значение.

АК: Ага, ага.

РШ: Тогда она уже или с хорошей семьи, допустим, он должен жениться, его мама хотела бы, чтобы он взял с хорошей семьи. Чтобы он взял с... нормальной семьи. Понимаете – вот тогда это уже имеет значение. А дети – дети играют во дворе все вместе.

АК: Ага. То есть в ситуации свадьбы, да, это было важно?

РШ: Уже... уже когда подходит...

АК: К хипе, да?

РШ: Даже не к свадьбе, а к помолвке.

АК: А ворт, а ворт, да?

РШ: Да! Аз ме гитче а ворт, аз ме хочн а кносе-мул...

АК: Кносе-мул...

РШ: Вот. Аз ме хочн а кносе-мул, аз ме брехчен дем телер, вот тогда уже это очень важно, именно... откуда она. Кто она? Что она собой представляет? Но сейчас в слово «ихес» вкладывается больше, чем когда-то.

АК: Да?

РШ: Да. Почему? В это слово уже вкладывается и профессия, специальность, в это слово уже вкладывается как она устроена, или у нее есть приданое. Сейчас уже на всё это больше смотрят, чем смотрели до войны.

АК: Ага, ага. То есть, как бы оно такое... ну, расшилось, да, как бы это да...?

РШ: Расширилось. И немножко видоизменилось.

АК: И немножко видоизменилось. Но по-прежнему как бы это вот... это происхождение...

РШ: Конечно имеет значение. Конечно имеет значение.

АК: А вот... вот это ведь шутка, да, вот, которую вы сказали...

РШ: (смеется) Ихес-тухес!

АК: А ихес-тухес!

РШ: А это зна... [снова грозит мужу] убью!

АК: Да наоборот, спасибо, спасибо! Это такая шутка...

ИШ: Ну, это...

РШ: Это в народе, когда она ничего, или он ничего не стоит, так что хотят сказать, что он никто и ничто, пра... а ихес-тухес. Вос вейстти? Вос кенстти? Вер бистти? (смеется) Так Изя?

ИШ: Так, так.

АК: А вот нам в Балте сказали тоже такую шутку – «а ихес ин буд».

РШ: Это... а и... значит... в бане, буд – это баня. А (смеется) если ты, мол... кто ты такой? Большой ихес фин дер буд, значит!

АК: Фин дер буд.

РШ: Да. Это насмешка тоже! Это дают понять, что ты никто, что ты ничто. Что ты... банщик, что ты простой, обычный человек.

АК: То есть, если ты и большой, то только, вот, в бане?

РШ: В бане! Да!

АК: И больше нигде.

РШ: И больше нигде!

АК: А «ихес мит плихес» как-то тоже...?

РШ: Ихес мит... рихес.

АК: Рихес?

РШ: Да. А рихес это... черт.

АК: А! Так-так-так.

РШ: А ихес это ихес, так вот говорят, когда человек никчёма, когда он непорядочный, могут сказать: «Бистти а ихес фин дем рихес!»

АК: А...

РШ: Понимаете? Что это такое – народное всё! (смеется)

АК: Это очень интересно! Вот именно это как раз. А вот Вы говорите, сейчас, вот, образование важно, деньги, там вот... а раньше разве не могло быть так, что они, вот, неравны как бы, вот она ниже, допустим, но зато за нее приданое дают? Могла свадьба...

РШ: Смотря с...

АК: ...состояться?

РШ: ...могла быть. Смотря для кого это имело значение. Ведь не все люди одинаковые. Не у всех суждения одинаковые. Тот себе мыслит так, а тот говорит – ооой, зи из а ейсоем (йойсем?), зи хот гур нит, зи... зи... зи... вот хот зи? Зи хот нит кейн гур нит, и нит кейн штибе – гур нит. Были и такие люди. А были и такие, что говорили, зи из а уреме, но зи хот а штикл бройт ин ди хэнд, и то, то, то – и таким... ин зи кимт аройс фин а.. латишер семья, фин а порядочная в смысле русском.. Всё.. всякое, люди же разные.

АК: То есть, это не так жестко чтобы очень было?

РШ: Э... зависит от человека.

АК: Зависит от человека. И раньше зависело...?

РШ: Вот, например, его [т.е. мужа] родители меня не хотели. Я была сирота, у меня ничего не было абсолютно, а мой муж поставил параллель между своей младшей сестрой, у которой были родители, и между мной. И он им доказал, что... и она сказали: «Ицик хот шейн хосене гехот!»

АК: Вот как в песне, да?

РШ: Да.

АК: А что значит «поставил параллель»?

РШ: Ну, вот он сказал: Смотри. У Риты нет родителей. У нее, у Любы нашей, есть папа, слава богу – тогда были. Папа, мама. Но у

Риты есть специальность, она медсестра. Кто твоя Люба? У Риты есть деньги на свадьбу. У Любы – ты есть папа, есть мама, но тебе надо идти одалживать – понимаете? И он им поприводил все параллели, и отец не имел больше слов, потому что он до этого говорил, что два... цвей гэнц ин эйн зак. Это значит – два гусака, бедные, в одном мешке. А он мне говорил, покойный – его надо взяли чтоб в семью богатую и дали специальность, и тебе надо, чтоб тебя взяли в семью богатую, чтоб тебе было хорошо. Ну, мы были... тогда нам было по 20... по 21-му, по 22 года, и мы ставили на первое место только любовь. И больше ничего. И факт тому, что никому ничего не помогло, и мы поженились, и вот в этом году 30-го августа 48 лет, как мы вместе. Вырастили уже двоих сыновей, и уже у нас четверо внуков, так что... это... Ну, в жизни всякое бывает. Жизнь есть жизнь. Так что... параллели разные, и... жизненные пути бывают разные, и они никогда не бывают гладкие, у нас не было квартиры, мы нанимали и так далее, мучились, всё... Слава богу, и квартира есть, и в квартире как у всех людей – нормально. Мы не.. богачи, но мы не.. не уреме лайт.

АК: А еще самый такой маленький вопрос. А вот на ихес влияло то, вот... один человек, допустим, из большого города, другой – из совсем маленького, там, штетла, допустим, вот...

РШ: Ну, вы понимаете...

АК: Фун ваннен ер кумт аройс – вот это как бы важно было ?

РШ: Нет, это не важно. Потому что... дер фун дем клейнем штетл может быть более ихес чем тот, что в большом городе. Это... такое дело. Правильно, Изя?

ИШ: Да!

АК: А вот не говорили, там, что клейнштетлдик?

РШ: Могли сказать, зи из а клейнштетлдике, ци ер из а клейнштетлдикер – понимаете, могли сказать. Но... это не влияет на ихес.

АК: Не влияет, да?

РШ: Нет, конечно нет. Это раз. Во-вторых, сколько людей, столько всяких суждений. Тот может сказать «а клейнштетлдикер йолт» (общий смех). [понижает голос] Это называется «с маленького местечка дурак», а может сказать: «зи из клейнштетлдик, но зи из а шейне, а латише, а гите, а ихес».

АК: Всё можно...

РШ: Да! Так и так может быть.

АК: Понятно. Здорово – очень интересно про ихес! (...)

(32.30)